

Вадим Россик

Блеск тела

роман-гротеск

Вадим Россик

Блеск тела. роман-гротеск

«Издательские решения»

Россик В.

Блеск тела. роман-гротеск / В. Россик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740469-7

Роман-гротеск о невероятных приключениях одного никому неизвестного покойника и одного знаменитого тела, которые вполне могли бы произойти на самом деле.

ISBN 978-5-44-740469-7

© Россик В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Женева. Жаркий июль	6
Часть первая	7
1. Телефон всегда звонит не вовремя	7
2. Тем же днём в Питере	10
3. «Хрущёвка» – маленькая квартира для маленьких людей	13
4. Как утомительны в России вечера	16
5. Богатые тоже плачут	19
6. Так что же здесь случилось (ретроспектива)	22
7. На следующее утро	25
8. В полдень	28
9. А в это время в особняке Фруткова	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Блеск тела роман-гротеск Вадим Россик

© Вадим Россик, 2016

ISBN 978-5-4474-0469-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Некоторые писатели указывают, что место действия и персонажи их произведений не имеют с действительными ничего общего. Другие, наоборот, подчёркивают, что их книги основаны на реальных историях. Про достоверность людей и событий, описываемых в этом романе, спокойнее ничего точно не знать.

Да! И не нужно здесь искать Глубокий Смысл. Его нет. По моему мнению, главный враг литературы – скука. Да простят меня классики. Надеюсь, что мёртвые львы живую собаку не укусят.

Несмотря на всё вышеизложенное, хотелось бы получить от читателей доброжелательный отзыв. Ну, хотя бы такой: «Афтар жжот! Пеши исчо!»

Автор

Что наша жизнь?

Прикол!

Пролог. Женева. Жаркий июль

Из солидной «Трибюн де Женев»: «Сегодня на аукционе «Сотби'з» был продан один из самых знаменитых африканских бриллиантов. Легендарный «Сверкающий Могацишо» весит почти сорок карат, что уже само по себе прекрасно. К тому же он отличается оригинальной огранкой в виде «двойной розы».

История этого камня насчитывает свыше столетия. Алмаз, из которого изготовлен «Сверкающий Могацишо», был найден в начале прошлого века в речном песке недалеко от убогой столицы Итальянского Сомали. Первым владельцем сокровища стал губернатор колонии. Увидев алмаз, губернатор пылко воскликнул: «Если красота страшная сила, то какая же сила страшная красота!» Однако, как известно, второй возможности произвести первое впечатление не бывает, поэтому, быстро привыкнув к нереальной красоте «Сверкающего Могацишо», губернатор продал камень принцу Луиджи Амедео Савойскому. Темпераментный принц преподнёс его в подарок своей возлюбленной, русской княгине Безуховой. Та использовала бриллиант с юмором и толком: он превратился в застёжку её бюстгальтера. Ходили слухи, что кроме итальянского принца многие офицеры русской гвардии также прикоснулись к этому великолепному найдёнышу из сомалийского Зажопинска. Очень многие. Впрочем, такое случается не только с княгинями.

В романтическом тысяча девятьсот семнадцатом году «Сверкающий Могацишо» спрятали от греха и пьяных революционных матросов в тайник. Во время Второй мировой войны немецкие солдаты случайно обнаружили исторический бриллиант в бывшем княжеском имении под Ленинградом и преподнесли Адольфу Гитлеру. «У фюрера всё должно быть прекрасно!» Таким образом «Сверкающий Могацишо» снова оказался на Западе. Однако в дальнейшем фюрер не преуспел и умер от передозировки свинца в организме. После войны бриллиант вернули потомку любвеобильной княгини мсье Пьеру Безухофф из Парижа. И вот, наконец, более чем через полвека и мсье Пьер решил избавиться от редкого камня.

Главная интрига аукциона заключается в том, что точно неизвестно, кто сегодня приобрёл «Сверкающий Могацишо». Изначальная оценочная стоимость знаменитого камня, выставленного на торги британским аукционным домом, составляла от двух до трёх миллионов долларов. Но бриллиант ушёл с молотка за десять миллионов. «Это нормально», – меланхолично заметил потом аукционист Моня Адлер. Его предки торговали драгоценностями девять веков и видели ещё не такое.

Новый обладатель камня сделал покупку по телефону из Петербурга. Его конкурентами были серьёзный мужчина в дорогой европейской подделке под дешёвый китайский пуховик и сухопарая волевая женщина с противными ушами. В разговоре с корреспондентами женщина, говорившая по-русски, однако сказавшая, что она «не из России», сообщила, что «коллекционирует бриллианты с историей», и объяснила, что не предложила большую цену, «потому что хотела остановиться на сумме в семь миллионов долларов». Она не стала называть своего имени, предпочтя представиться лишь как «частный коллекционер». Теперь «Сверкающий Могацишо» отправится обратно в град Петра.

Судьбоносно то, что в это самое время, когда знаменитый бриллиант пересекал границу России-матушки, на Красной площади полицейские увлечённо лупили резиновыми дубинками кучку сторонников однополой любви. Содомиты неубедительно отмахивались картонными плакатами. Единственный обитатель Мавзолея неподвижно лежал в своём саркофаге с мечтательным выражением на лице и слушал жалобные вопли представителей подавляющего меньшинства. По причине отсутствия жизни вождь трудового народа не догадывался, что отныне его судьба закономерно соединена с крошечным кусочком углерода и гомотиями. Ведь закономерность – это же взаимосвязанная цепочка случайностей?

Часть первая Уголовное тело

«Этточно!»

Товарищ Сухов, кинофильм «Белое солнце пустыни»

1. Телефон всегда звонит не вовремя

Света Ожгибесова по прозвищу Ноги Шире оказалась очень колоритной особой.

– Не жалею меня, мой Супертарзан! Ах-ах! Ох-ох! Ух-ух! Да! ДА! ДА-А-А!!!

Моисей Фруктов чувствовал себя хозяином жизни. Ноги Шире своё дело знала. Добрая волшебница. За сотню зелёных американских рублей и капельку водочки творила в постели настоящие чудеса. Широкий итальянский диван ритмично скрипел в такт стонам совокупляющихся.

Фруктов выгибался, как венский стул. Его носатое лицо с большой улыбкой окаменело. Свисающие с брюха складки жира резко хлопали по загорелой коже Ноги Шире. Давно он так физически не трудился. Но оно того стоило. Не шлюха, а прямо луна-парк какой-то!

Цель была совсем рядом. Ещё пару фрикций и... Фруктов приготовил было рот для рыка эякулирующего гамадрила, но! Его мобильник на антикварной тумбочке забился в электрических конвульсиях. Через секунду кабинет наполнила мелодия Исаака Дунаевского из кинофильма «Дети капитана Гранта» «А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер...». Отрыжка светлого прошлого. Как не вовремя! Фруктов вздрогнул и прекратил бурить.

– Ну, вот! Что это ещё за здарсьте? – недовольно спросила Ноги Шире. Она была по натуре добросовестным человеком.

– Ты же слышишь. Телефон.

Фруктов, кряхтя, слез с богини улицы, почесал то место, где спина уже называется по-другому и поднёс плоский аппаратик к уху. Человек с Вертикали. Москва, высшие бюрократические круги, большая политика. Это было сверхважно. Благодаря хронической коррупционности Человека с Вертикали и его неистощимому административному ресурсу, Фруктов ещё при Большом Теннисе стал одним из самых богатых питерских. Хотя Фруктов не был коренным жителем Северной Пальмиры. Его родители родились в затрапезных Кобеляках. До войны там жило много евреев, но потом туда явился Гитлер и помог...

– Я слушаю, Гений Эрастович, – произнёс Фруктов, выходя из кабинета в коридор.

– Привет, тырщик! – негодуяще выплюнул мобильник. Фруктов непроизвольно напрягся. Обычно Человек с Вертикали не позволял себе подобных выражений. Значит, негодует всерьёз.

– Что случилось, Гений Эрастович? – корректно задал вопрос Фруктов.

– А сам не догоняешь, тырщик?

– Нет.

– «Сверкающий Могадишо»!

– Да?

– Ты увёл его у меня прямо из-под носа! В колодец плюёшь? Сук, на котором сидишь, рубишь? Дающую руку кусаешь? Да если бы не я, ты копался бы сейчас в мёрзлой земле на курортах Заполярья!

Было заметно, что Человек с Вертикали не старается быть дружелюбным, но ссориться с ним было чревато, поэтому Фрутков пропустил обидные слова мимо ушей.

– Я, как лох, попёрся в Женеву на аукцион, а ты, тырщик, только трубку снял и стырил мой бриллиант! Я слишком поздно узнал, что аукционист – твой хитровыдуманный родич! Но всё равно узнал!

Фрутков мысленно сполз по стенке. Это была правда, которую он тщательно скрывал. Моня Адлер приходился каким-то двоюродным плетнём фрутковскому забору. Тем не менее, родная кровь шла в зачёт, а обоюдная любовь к деньгам усиливала семейную привязанность. За пятьсот тысяч на счёте в малоизвестном банке на Каймановых островах Моня гарантировал Фруткову обладание «Сверкающим Могадишо» и своё обещание выполнил.

Фрутков от волнения перешёл на родной кобеляцкий язык:

– Шо ви хóчете?

– Значит так, тырщик. Сегодня первое июля, понедельник. У тебя есть ровно неделя, чтобы доставить «Сверкающий Могадишо» мне в Москву. В следующий понедельник у меня будет Сам. Я планирую показать Самому свою коллекцию драгоценностей. И «Сверкающий Могадишо» будет очень кстати. Сейчас тема Сомали вообще актуальна.

– Может быть, у вас есть другие варианты, Гений Эрастович? – проямлил Фрутков, ни на что не надеясь.

– Других вариантов нет, тырщик! Или в понедельник бриллиант украсит мою коллекцию, или я звоню Пограничнику. Ты сам знаешь, что тебя тогда ждёт. Будешь рукавицы на зоне шить. Рядом с одним бывшим нефтяником. А может, вообще мацой подавишься!

– Камень мне обошёлся в десять миллионов, – осторожно напомнил Фрутков, но Человеку с Вертикали было как всегда.

– Ну и что? Кому ты жалуешься? Благодаря мне ты только на олимпийской стройке «поднял» в пятнадцать раз больше! Впрочем, я сегодня добрый. Будешь хорошо себя вести, получишь контракт на реанимацию какого-нибудь совкового атомохода и бюджетную поддержку. Там будет поболее твоих десяти амерских килорублей потраченных на «Сотбисе».

Фрутков вздохнул. Выбора не было. Человек с Вертикали не оставлял простора для действий. Он был широко известен в узких кругах как страстный коллекционер драгоценных камней. Как и сам Фрутков. До сих пор они не перебегали дорогу друг другу, но со «Сверкающим Могадишо» получилось действительно некрасиво. Если бы Фрутков знал, что за камнем охотится Человек с Вертикали, он вряд ли бы стал участвовать в аукционе. Это Моня заверил его, что никаких проблем не будет.

– Короче, тырщик, жду камень до понедельника. Постарайся, Моисей. И заруби себе на своем длинном носу: лучше семь раз покрыться потом, чем один раз инеем!

На этой тревожной ноте нетёплый разговор был закончен. Человек с Вертикали вернулся в большую политику, а Фрутков в гнездо разврата, то есть на диван. Ноги Шире уже курила халявную дурь, запивая весёлый дым коллекционным белым вином и тупо лупозрела богатого клиента. Из-за дури её мозг был вял, поэтому прошло не менее трёх минут, прежде чем Ноги Шире обратила внимание на то, что на лице Фруткова уже нет большой улыбки. Остался только большой нос.

– Ты что такой законтаченный, Мося?

– Собирайся, Света, – ответил Фрутков, пеленаясь в алый шёлковый халат с вышитыми драконами – банальную хрень за две тысячи долларов. – Мне подумать надо и жена скоро приедет.

– Залез такой загадочный, а слез такой задумчивый, – немного презрительно заметила Ноги Шире, послушно принимаясь натягивать дешёвый бадлон.

Люба, бывшая коллега Ноги Шире и нынешняя жена Фруткова, могла послужить серьёзным поводом для внезапной разлуки. Двадцатилетняя блондинка с круглым лицом,

пронзительным голосом и интересным заскоком, Люба дико боялась птиц. Она говорила, что в детстве её испугал злой петух. С тех пор курицу она не ела. Однажды Фрутков предложил ей вместо ребенка завести волнистого попугайчика. Люба немедленно отреагировала оглушительным воплем: «Какой ужас! Это же птица!» Как-то летом в её комнату залетел воробей. Люба в панике выбежала на улицу и ждала там, когда птичка улетит.

Едва Ноги Шире покинула особняк Фруткова, неутомимый мобильник снова разразился весёлой песенкой Дунаевского. Фрутков с опаской глянул номер. Пограничник! Лёгко на помине. Силовик! Генерал с золотым пистолетом и унитазом. И снова не вовремя!

– Как поживаешь, дрыщ? – прогудел Пограничник в сотовый, как в трубу.

После неприятного звонка Человека с Вертикали Фрутков был готов к грубому обращению. Он спросил:

– Можно узнать, товарищ генерал, по какому поводу «дрыщ»?

– «Сверкающий Мogaдишо»! Кстати, не знаешь, почему великолепный камень назвали именем какой-то убанской деревни? «Сверкающий Мogaдишо»! Ты этот Мogaдишо видел?

Ещё один коллекционер. Фрутков вздохнул.

– Вы были в Женеве?

– Там была моя жена, дрыщ! Ты её видел, когда мы у вас в Питере на «Авроре» бухали в день рождения губернатора. Помнишь?

Фрутков вспомнил волевою женщину с противными ушами. «Нефёртётя, так, кажется, её звали в высших кругах. Точно. Нефёртётя».

Пограничник безостановочно гудел в трубу:

– Начинай лгать, хуторянин. Мол, ничего не знаю, ни с кем не договаривался...

Фрутков попытался собрать в кучку разбегающиеся мысли. Пограничник – это, конечно, выпуклая личность, но Человек с Вертикали гораздо массивнее. В конце концов, он отдаёт приказы Пограничнику, а не наоборот. Значит...

– Зачем мне лгать, товарищ генерал? Я победил на аукционе, и теперь бриллиант мой.

– Так-так-так... Не уважаешь наши доблестные органы? Я мог бы предложить тебе восемь «лимонов», а два оставшихся обсудим.

Звучало примирительно, но Фрутков был твёрд.

– Органы уважаю, бриллиант не отдам!

Пограничник прощально прогудел:

– Ладно, дрыщ. Подумай об ответственности своего бизнеса. Налоги там... У тебя есть неделя. Потом я ни за что не ручаюсь. Долго говорить времени у меня сейчас нет. Я должен вернуться к той куче дерьма, которую разгребаю с утра. Бывай!

Пограничник вернулся к дерьму, а Фрутков побрёл на кухню размером с Ладожское озеро, чтобы спокойно там подумать. Громадная белоснежная кухня всегда его успокаивала. Её оформлял модный итальянский дизайнер, поэтому кухня была выполнена в средиземноморском стиле. Пол покрывала плитка, стилизованная под мозаику древнеримских бань. На стенах висели декоративные тарелки с южными пейзажами: оливковые рощи, пинии и кипарисы. Столешницы из розового каррарского мрамора. Ну и всё такое.

Фрутков налил себе кофе в фарфоровую чашку династии Цин, провёл пальцем по тонкому волнистому краю. Отхлебнул. Кофе был хорош! Мягкий, без обычной горечи. Знаменитый «Чёрный бивень». Его производили в Таиланде. Пропускали зёрна арабики через пищеварительный тракт слонов. Впрочем, лучше ничего не знать о тонкостях изготовления самого дорогого в мире кофе. Фрутков не знал.

– Вот придурки, ёпта! – сказал Фрутков своему отражению в натёртом до зеркального сияния мраморе стола. Он хотел добавить ещё что-то ненормативное, но тут тайландский кофе из слоновьего дерьма напомнил ему о Куале и Лумпуре.

2. Тем же днём в Питере

После обеда в синем небе появились тёмные тучки. Бега по своим делам, петербуржцы и гости города начали поглядывать вверх, ожидая, когда дождь примет решение и выйдет на работу. Но дождь всё ленился.

Майор Траулько, сидя в своем кабинете, ленилась тоже. Вместо сухих протоколов на столе лежала груда печенек, разломанная на дольки молочная шоколадка и стояла чашка с чаем. Траулько была лакомкой. К тому же над её головой висело эгоистическое руководство к действию: «Люби себя, наплюй на всех и в жизни ждёт тебя успех!» В соответствии с этим указанием Траулько, любя себя, подтачивала ногти пилкой. Майору была присуща миловидность. Не зря её непосредственный начальник подполковник Пучегоров говорил в тесном кругу друзей: «Я бы с такой проснулся». Но Траулько была не такая. Для всего интимного у неё был свой собственный чёпожрать – муж-водитель «Газели» плюс две чёкупилы – дочери. Да ещё вместе с ними жил мужнин брательник-алкаш с кучей судимостей и какая-то бабка. Тут далеко не разгуляешься.

Ухаживая за ногтями, Траулько обдумывала порученное задание. Она хорошо работала, иначе не дослужилась бы до звания «майор». Ведь если в полиции пить, прогуливать и вообще плевать на свои обязанности, можно стать максимум капитаном.

Траулько была присуща не только миловидность, но и последовательность, поэтому, закончив с ногтями, она попросила привести Манчестера. Старый жулик уселся на неудобный стул перед майором. Невысокий. Невыразительное лицо цвета прокисшего молока. Волосы, как ворс вытертого старого ковра. Усы, неряшливая бородка. Большая лысина. На бледных щеках красные пятна – свежие синяки.

– У тебя такой вид, Манчестер, будто тебя обстреляли разрывными помидорами, – улыбаясь, сказала Траулько. Она протянула ему измятую картонную коробку с картой Папиросно-Балтийского канала на крышке. Сама Траулько не курила, но держала дешёвые папиросы для душевного разговора с задержанными.

Манчестер печально улыбнулся в ответ, показав худшие в России зубы.

– Вошёл не в ту дверь.

Он закурил. Траулько открыла протокол, полистала.

– У меня другие данные. Вот тут сказано, что вчера ты со своим другом в чебуречной послал на три буквы президента и весь горячий народ одной маленькой кавказской республики. Или в пять букв? Давай уточним.

Манчестер уточнил:

– Дело шьёшь, гражданка начальник?

– Ага, шью. А зачем вы хозяину чебуречной налили за шиворот горячего чая? Уважаемому человеку в своей диаспоре. Ведь это уже экстремизм, дорогой мой жулик! Серьёзная статья – большой срок!

Манчестер подавился, закашлялся. Голубой дым за клубился у него над макушкой, выходя из всех естественных отверстий головы.

– Фу, – брезгливо помахала ладонью перед своим лицом Траулько, – воняешь, как трофейная лошадь!

Манчестер отдышался и повысил голос:

– Эти «чебуреки» в свои чебуреки недокладывают мясо! А когда Дуремар высказал претензию, они первые начали нас дубасить! Закусились по чесноку! Я – не экстремист! Я – квалифицированный домушник! Это вам любой следак скажет!

Траулько ласково улыбнулась. Если майор полиции ласково вам улыбается, значит, сейчас сделает какую-то гадость. Манчестер это знал и насторожился.

– Вот и докажи делом.

– Как это? – опешил Манчестер.

– Ка́ком кверху, – неостроумно заметила Траулько, пшикая на себя духами. – У меня есть к тебе деловое предложение.

– А можно одну печеньку? – неожиданно попросил Манчестер.

Траулько, удивившись про себя, подала Манчестеру печенье.

– Угощайся.

Манчестер взял печенье и засунул себе в рот. Он был опытный каторжанин. Иногда лучше жевать, чем говорить.

– Я помогу тебе снова стать человеком, – произнесла ритуальное ментовское заклинание Траулько и перешла на отсебятину: – Ничего безумно сложного. Я не прошу тебя извлечь квадратный корень из круглого бревна. Мне просто нужны твои профессиональные навыки.

Побитый жизнью и кавказцами Манчестер, молча, скорчил недоверчивую гримасу. Траулько продолжала уговоры:

– Некоторые твои дружки уже свернули с прямой воровской дорожки и стали депутатами. А один даже президентом, хотя и не в нашей стране. Что мешает тебе последовать их вдохновляющему примеру? Чем ты хуже? Или у тебя в крови низкое содержание сахара?

Майор вопросительно уставилась на жующего печенье Манчестера. Тот на всякий случай перестал двигать челюстями. Не сводя с него глаз, Траулько полезла в ящик стола. Старый жулик, испуганно следя за её движениями, пробормотал:

– Куда уж нам, овсяным лепёшкам, в калашный ряд.

К его облегчению ничего страшного не произошло. Траулько сначала вынула из ящика большую расчёску, потом маленькое круглое зеркальце и принялась тщательно расчёсывать свои длинные густые волосы. В кабинете воцарилось молчание. Причесавшись, Траулько положила на стол расчёску и поставила вопрос ребром:

– Так ты поможешь мне или дело об экстремизме заводить?

– А что будет с Дуремаром? Останется на киче?

Траулько вздохнула.

– Ну, вы и беспокойные сердца! Накосячили в чебуречной по самое ё-моё. Тарантино впору про вас вторую часть «Бесславных ублюдков» снимать.

Манчестер, наконец, проглотил печенье.

– Я без кореша отсюда не уйду.

Траулько мило улыбнулась.

– Не будь настолько депрессивным, Манчестер. Так и быть, забирай своего Дуремара только мою просьбу выполни. Услуга за услугу.

– Что сделать-то надо, гражданка начальник?

Траулько доверительно понизила голос:

– Дело несложное. Как раз по твоему профилю. Нужно у одного нехорошего человечка изъять камешек.

– Что за камешек? – поинтересовался Манчестер.

– Тебе о том знать незачем. Твоё дело взять камень и передать его мне. А я постараюсь, чтобы ты не остался внакладе. Был бы ты чуть умнее, дружил бы не только с Дуремаром, но и со мной. Учти – ласковое теля две матки сосёт.

– Сколько?

– Пять тысяч.

– Рублей?!

– Долларов!

– А Дуремар что-то получит?

– Само собой и твой Дуремар, если он в деле. Пять тысяч долларов на двоих.

– На каждого. По телеку говорят, что у нас крысис.

Траулько недовольно сморщила симпатичный носик. Она с самого начала предполагала заплатить исполнителю десять тысяч долларов, но зачем об этом знать Манчестеру? Всё равно у неё в активе ещё остаётся сорок тысяч и повышение по службе.

– Сегодня твой день, Манчестер. Пять штук баксов каждому. Я рождена, чтоб сказку сделать быдлу.

Манчестер поёжился. «Пять штук баксов» звучало как-то по-гангстерски.

– А что за человек?

Траулько придирчиво осмотрела в зеркальце свою причёску, кое-что поправила, взбила повыше. Потом перевела глаза на Манчестера.

– Какая тебе разница? Один барыга, богатый, как гном. Ты берёшь камешек, получаешь гонорар и навсегда забываешь про мою просьбу. Заработаешь нормальных денег, толково их пропьёшь, чтобы ляжку не жгли. Почувствуешь себя на минуту хозяином жизни. Что тут трудного? Лучше напрягай своё мозговое вымя над тем, как это сделать.

Манчестер даже задницей почувствовал, что пора соглашаться. Всё-таки с одной стороны экстремизм, с другой – гонорар. Срок или деньги? Истина где-то рядом. Хотя собственнно выбора нет. Манчестер осторожно кивнул.

Траулько удовлетворённо улыбнулась, хотела что-то сказать, но тут не вовремя зазвонил телефон. Майор подняла трубку.

– Здравия желаю! Да, нашла. Договорилась. Двое. Нет. Нормальные быдланы. Сделают, куда они денутся, опыт разносторонний. Нет. Недорого.

Пока Траулько говорила по телефону, Манчестер курил. Дождался. Он не прислушивался к служебному разговору гражданки начальника. Меньше знаешь – реже икаешь. Старый вор думал о том, что пора завязывать. Всё-таки возраст. Возраст – это когда заходишь в ванную, думая побрызгать дезодорантом подмышки, а вместо этого чистишь себе уши ватной палочкой. Потом весь день мучаешься, понимая, что сделал что-то не то и только на следующее утро, проснувшись в мокрой постели, соображаешь, что вчера хотел просто сходить в туалет.

У каждого есть свои демоны. В отличие от Дуремара, который считал, что в жизни нужно потихоньку спиваться, Манчестер мечтал жить в горах и спать в спальнике. Совсем один.

– Значит, договорились? – вернула Траулько Манчестера в управление полиции. – Что ты на меня, как с кедра, смотришь?

– Задумался я, гражданка начальник.

– Ладно, тогда слушай инструкции. Никаких записей, запоминай так.

Траулько объяснила что и как Манчестер должен сделать. Потом заставила его всё повторить. Удовлетворённая результатом, кивнула на стол.

– Молодец! Ещё печеньку хочешь?

Манчестер отказался. Он не был сладкоежкой. Траулько вызвала конвой и отправила старого жулика обратно в камеру. Дождавшись, когда за ним закроется дверь, майор сняла трубку и набрала номер Фрутова. Ведь ласковое теля две матки сосёт.

3. «Хрущёвка» – маленькая квартира для маленьких людей

– Мегапривет, гомик! Уже вечер! Хочещо фкуснопожрадь!

Очкарик нехотя оторвался от увлекательного пособия «Как сделать надгробный памятник своими руками». Он любил читать, читал всё подряд и часто повторял ничем не подтверждённую истину: «Те, кто читает книги, управляют теми, кто смотрит телевизор». Оpoznать тело Очкарика было бы легко: ростом он был под два метра, но сутулился так, что казался намного ниже; длинные светлые волосы заслоняли худое лицо. Одевался Очкарик мрачновато: в чёрную футболку и чёрные джинсы, чёрные носки и чёрные туфли. На носу криво сидели очки в тонкой проволочной оправе. Во рту – всегда мятная жвачка. Из-за любви к чтению и очков третья жиличка – Морковка – звала Очкарика «турбототан».

Сердито взглянув на Доброе Утро, Очкарик надул пузырь жвачки. Пузырь тут же звонко лопнул, залепив небритый подбородок. Из-за этого Очкарик невнятно произнёс:

– Слушай, пончик! Поднимись над суетой! Удиви себя и приготовь что-нибудь сам.

Доброе Утро спорить не стал. Он был покладистым челом.

– О'кей. Тогда я на кухню.

В крошечной, похожей на чулан с окошком, кухне сидел в старой офицерской рубашке хозяин квартиры дед Брюсли и с аппетитом ел какую-то репу. Левой рукой он усердно жал резиновый эспандер, а правой поднимал чашку спорыша (он же горец птичий, он же гусиная трава, он же трава-мурава) за победу над геморроем. Советская армия, коммунизм и буддизм, каждый по-своему, пытались создать нового совершенного человека. На перекрёстке этих трёх культур и возник дед Брюсли – военно-морской лётчик в отставке, сталинист и поклонник боевого гопака. Адская смесь пожилого Кожедуба, лысого Мальчиша-Кибальчиша и неприятного Джеки Чана.

– Мегапривет, дед! – поздоровался Доброе Утро с хозяином.

Дед Брюсли кивнул, не прекращая тренировать руку.

– А что у нас на ужин? – почти пропел Доброе Утро, с интересом заглядывая в холодильник.

Дед Брюсли назидательно произнёс:

– Совет непальских мудрецов: «Относись к приготовлению пищи с безрассудной беспечностью».

Он любил назидать.

– Это как?

– Разомнись пока пельменями, а позже Морковка что-нибудь скулинарит.

Доброе Утро достал из морозильника пачку отвратительно мёрзлых пельменей и с сомнением оглядел её со всех сторон.

– В таком ужине отсутствует мысль.

– Зато присутствуют жиры, белки и углеводы, – заметила заспанная Морковка, появляясь на пороге кухни. Она в кухню уже не помещалась, поэтому осталась стоять в дверях.

– Мегапривет, Алёна, – сказал Доброе Утро, начиная готовить пищевой ресурс. – Ты сегодня не работаешь?

– Нет, – раззевалась Морковка. – Выходная. Весь день отсыпаюсь. Просто пипец! Никакого настра жить!

Алёна Морковина приехала в Питер из Казахстана год назад. Сняла в «трёшке» деда Брюсли свободную комнату рядом с комнатой двух весёлых геев и устроилась на работу в секс-шоп на Невском проспекте. Торговала видеокассетами, развратным бельём, страпо-

нами... Всякими такими игрушками. Оборудованием для озабоченных или любознательных.

Самой броской деталью её внешности была причёска – масса волосяных иголок. Когда Морковка надевала на голову ободок для волос, она выглядела как дикобраз в спокойном состоянии. Без ободка Морковка превращалась в напуганную рыбу-ежа. Это Очкарик где-то вычитал: «Ежи-рыбы принадлежат к семейству рыб из отряда иглобрюхообразных. Тело, принимающее при опасности форму шара, покрыто острыми шипами. Кожа и внутренности рыбы ядовиты. Укол колючками этой рыбы болезнен, представляет опасность для неосторожных купальщиков». Морковка тоже была ядовита и представляла опасность для неосторожных мужиков. Трудовая деятельность в магазине интимных товаров совершенно уничтожила в ней тягу к противоположному полу.

Самой броской деталью Морковкиного поведения была прозопагнозия. Ещё в детстве девушка попала в тяжёлую автоаварию и с тех пор страдала этой странной болезнью. В результате черепно-мозговой травмы отключился какой-то важный участок мозга, поэтому Морковка перестала различать человеческие лица. Она не узнавала даже отца с матерью, сестру, подружек. Все люди превратились для неё в толпу безликих фигур. Однообразных, как океан из китайцев. Постепенно Морковка научилась кое-как справляться со своей бедой. Теперь она запоминала людей по мелким деталям: родинкам, шрамам, татуировкам, походке, цвету лица, волос, жестам, манерам, голосу и так далее. Конечно, важнейшую роль играла одежда, обувь и аксессуары. Морковка выработала в себе исключительную наблюдательность, которую, впрочем, можно было всегда обмануть. Едва отец наряжался в новую рубашку, девушке приходилось прикладывать большие усилия, чтобы отличить его от соседа.

Под влиянием деда Брюсли Морковка повесила над своей кроватью плакат «Желания Тантры денежного потока». На ватмане девушка собственноручно написала цветными фломастерами: выучить финский язык; пройти курс лечения от прозопагнозии в финской клинике; поехать в Египет; поехать в Турцию; поехать в Крым; новую мебель; три новых платья; розовый летний пиджак; розовые лаковые туфли на шпильке; сделать тату на плече: «Я вас узнала!»; нарастить волосы, ногти, ресницы, попу, грудь; встретить любимого человека; открыть интернет-магазин женских сумок (пожалуйста, больше никаких фаллоимитаторов!).

Каждое утро и каждый вечер Морковка четырнадцать раз подряд читала вслух свои желания. Дед Брюсли обещал ей, что всё непременно сбудется. Рядом с тантрой Морковка прикрепила фотографии своих соседей по квартире: Очкарика, Доброе Утро и деда Брюсли, с их именами, написанными разноцветными фломастерами. Просто так, чтобы не забыть.

Морковка вернулась к себе в комнату. В кухне наступило тихо. Пока пельмени варились, каждую миллисекунду в нашей вселенной происходило множество разных событий. В том числе и события, непосредственно влияющие на судьбу четверых жильцов трёхкомнатной квартиры на Счастливой улице в Санкт-Петербурге, но на кухонном плане бытия ничего заметно не было. Негромко булькала кипящая вода в кастрюльке с пельменями, ритмично кряхтел дед Брюсли, сжимая эспандер теперь уже правой рукой, позванивал тарелками Доброе Утро, накрывая на стол. Однако взаимосвязанная жизнь многих людей уже была взвешена, измерена, разделена. Мене, мене, текел, упарсин, так сказать.

– Чем занимался? – равнодушно задал вопрос дед Брюсли, прихлёбывая свой антигеморройный настой.

– Был на автовокзале, – лаконично ответил Доброе Утро. Дальше можно было не спрашивать. Все и так знали, что каждый день Доброе Утро отправляется на какой-нибудь питерский вокзал, чтобы несколько часов стоять там с самодельными плакатами, на которых написано: «Я вас люблю!», «Да здравствует лето!» и тому подобная чушь. Он громко желает

приедем и жителям города доброго утра, жмёт руки тем, кто не против и охотно фотографируется с туристами на память. Такая вот у него миссия. Это Доброе Утро однажды лично так решил. Его уже трижды задерживали полицейские, но, составив на всякий случай протокол, отпускали. Очкарик уверял, что это не заразно, поэтому остальные соседи не обращали внимания на причуды Доброго Утра. Пусть чудит, лишь бы на людей не бросался.

– А работать не думаешь? – опять спросил дед Брюсли. Он был человеком старой закалки. Жизнь – это работа, а короткий промежуток между работой и кладбищем, называется пенсией. Только успел отдышаться после последней трудовой вахты, как уже стал героем с четырёхгранным памятником над собой. Этой доктрине его научили в пионерах, а потом в авиаучилище. Но дед Брюсли ещё не хотел становиться героем, поэтому, успешно завершив карьеру военного авиатора, несмотря на возраст и геморрой продолжал упорно трудиться сторожем. Кстати, скоро ему нужно было отправляться на ночное дежурство.

– Моя миссия – тоже работа, – заметил Доброе Утро, накладывая на тарелку пельмени. – Я дарю людям хорошее настроение. Что может быть важнее? Я нашёл своего бога. Ну или мой бог нашёл меня.

– Ты мне не втирай! За работу платят деньги, —назидательно сказал дед Брюсли, – а что тебе приносит стояние у вокзала?

Доброе Утро снисходительно улыбнулся.

– Вот вы занимаетесь боевым гопаком. Что это вам даёт?

Дед Брюсли точным движением забросил эспандер в вазу, стоящую на подоконнике, и резко поднялся со стула. Как типичный военный пенсионер, он не терпел ни малейшего возражения от младших по званию. Бывший лётчик не зря напоминал неприятного Джеки Чана – был всегда самым умным, постоянно прав и мгновенно выходил из себя.

– Ладно, не затемняй мою карму! Мне пора на работу, а ты, Жека, подумай над тем, когда заплатишь со своим другом за комнату. Вы уже третий месяц живёте у меня в кредит, а я не Сбербанк – кредиты не выдаю.

Дед Брюсли вышел в коридор и значительно повысил голос:

– Даю вам неделю срока. Если к следующему понедельнику я не получу денег, выметайтесь! Морковки это тоже касается! И всё, я сказал! Точка!

Между прочим, раньше дед Брюсли сдавал комнаты кавказцам, но когда количество гортанных жильцов зашкалило, он выселил этот Маленький Базарбайджан вон. Правда, зачем об этом знать квартирантам?

Хлопнув на прощание посильнее дверью, злой дед Брюсли ушёл трудиться.

– Что это сегодня служба безопасности Ватикана разбушевалась? – спросила Морковка у Доброго Утра опять появляясь в кухне. – Только и слышно: здесь бяка, там кака, а тут фу как!

– Мы с Очкариком ему за комнату задолжали, вот дед и наговорил всяких ненужностей, – признался Доброе Утро, вылавливая в кастрюле последний пельмень (старинный рыбацкий закон – кто ловит, тот и ест). – Не поможешь с финансами, Морковка? Ты-то типа работаешь.

Морковка сделала большие глаза. Доброе Утро огорчился.

– Понял – ерунду сморозил. Извини.

Девушка покачала головой.

– Нет уж, мальчики. Я не смогу вас спонсировать. Мне самой платить нечем. Зарплату второй месяц задерживают. Шеф говорит, что вообще будет закрываться. Никак не берёт народ наши причиндалы. А нету у вас яблочка – заточить?

4. Как утомительны в России вечера

Совсем стемнело, когда дождь, весь день только обещавший себя, наконец, вышел в ночную смену. Покрывая красным лаком ногти на руках, майор Траулько рассеяно слушала скороговорку капли за окном. Хотя дождь настойчиво барабанил: «Пора домой, пора домой, пора домой», Траулько не могла покинуть кабинет и отправиться к своему водителю «Газели». По двум причинам: во-первых, она дежурила до утра, а во-вторых, слишком большие ставки были сделаны днём.

Траулько давно усвоила нехитрую истину: в жизни можно просто плыть по течению. Если есть течение. Но лучше самой стать рекой и пробивать себе русло в унылой повседневности. В полиции течения не было. В этой системе ценностей, если усердно работать по восемь часов в день, то можешь стать начальником и тогда начнешь вкалывать по двенадцать. Траулько не хотела двадцать лет биться, как рыба об асфальт, чтобы в конце карьеры получить нищесбродскую пенсию, лицемерное сожаление коллег на прощальной пьянке и дешёвые часы от руководства. Она обожала всё красивое и чтобы её девочки занимались фигурным катанием, поэтому сейчас Траулько ждала важный звонок.

Дежурство проходило спокойно. В этот июльский вечер петербуржцы и гости Северной Пальмиры не были склонны сильно нарушать общественный порядок. К семи часам наряд вневедомственной охраны привёз трёх пацанов с района, плотно обсаженных какой-то дрянью. Югендбыдло пыталось зайти за водкой в закрытый на ночь ларёк «Вкусная кура и греча». Наряд оперативно выехал на сработку сигнализации и отфиксировал этих чертей. Малолетки вяло матерились – дрянь действовала на ура. На пока их закрыли в обезьянник или по-питерски «аквариум» – место, где потухают мечты. Там они и примирились с этим миром. Потом оперативники из розыска доставили карманника, случайно задержанного в троллейбусе. Карманотыра пробили по базе, узнали, обрадовались и отправили ночевать к спящим пацанам.

Покрасив ногти, Траулько позвонила домой. Проверить обстановку. Там всё было как обычно: чёкупили смотрели мультики, чёпожрать – футбол. Майор дала мужу ясные, чёткие указания на вечер, хотя понимала, что это глас орущего в крыжовнике. Всё равно всё забудет и перепутает. Мужик ведь! Тем не менее, на душе у Траулько стало спокойнее: «это я сказала, это я предупредила...» Она собиралась попудрить усталое лицо, но тут не вовремя зазвонил мобильник. Это беспокоили фигуранты пока незаведённого дела об экстремизме в чебуречной. Агенты два нуля.

– Всё в ажуре, гражданка начальник, – произнёс знакомый воровской голос. – Камешек у нас.

Траулько безмерно удивилась про себя, но вида не подала.

– Где вы сейчас?

– Ещё в хоромах. Осматриваемся. По всему видно, что барыга родился в дорогой рубашке.

– Как всё прошло?

– Всё динь-динь, гражданка начальник.

– Не называй меня так. А что овчарка?

– Это не овчарка, а пердящий слон какой-то! Ой, я извиняюсь! Нечеловеческих габаритов собачка. Я чуть щёбня в штаны не наложил, когда её увидел.

– И как вы с ней справились?

– Дуремар любит собак, а собаки любят его. Он дал ей кусок мяса с хитрой начинкой. Не магазинного, конечно. Магазинное она жрать бы не стала. Сейчас пёсик спит

в своей конуре. Мы его трогать не стали. Хорошо зафиксированный больной в обезболивании не нуждается.

– А сторож?

– Такая же тема, только без мяса. Спит старичок. Мы мимоходом заглянули, проверили. Даже скучно.

– Ладно, тогда закругляйтесь там. Встречаемся через час на станции метро «Ленинский проспект», у входа.

Манчестер многозначительно кашлянул.

– Между прочим, гражданка начальник, за этот камешек и мочкануть могут. Нельзя нам увеличить гонорар, а то тут много плохо лежащих ценностей?

Голос Траулько приобрёл привкус ацетона.

– Не называй меня так. И ничего не трогайте. Вы достаточно мотивированы. Запомни, необоснованная жадность приводит к разрушению личности.

Манчестер тоже удивился – он и не догадывался, что жадность настолько опасна.

– Тогда замётано, гражданка начальник. Теперь главное – по дороге со страху не обосраться. Ой, я извиняюсь!

Закончив непонятный разговор с Манчестером, Траулько тут же набрала ещё один номер. Фрутков ответил не сразу. В телефоне была слышна музыка, и легко узнаваемый голос без пауз гнусавил что-то неразборчивое.

– Слушаю.

– Где вы? Я не понимаю, что происходит, – нервно сказала Траулько. – Они уже с бриллиантом! Я в замешательстве.

Однако Фрутков был спокоен и убедителен.

– Не переживайте так, дорогая. Мы с женой в кино, любимся Анджелиной Джоли, но у меня всё под контролем.

– Что же я должна делать?

– Всё, как договорились. Отправляйтесь на встречу с вашими криминальными протеже. Я абсолютно уверен, что они на неё не явятся.

– Вы не забыли о моём условии? Никаких жертв. По крайней мере, сегодня, в моё дежурство.

Фрутков хохотнул.

– Разумеется, моя дорогая. Никакого зверства. Просто немножко насилия ради воспитания уважения к чужой собственности. Кстати, вознаграждение за бдительность уже переведено на указанный вами счёт. Ещё раз спасибо.

– На здоровье.

– А всё-таки жалко, что Анджелина Джоли себе сизьге отчекрыжила! – невпопад закончил Фрутков и отключился.

«Кобель!» Траулько положила мобильник на стол. Глядя на пластмассового болтуна, наскоро прикинула в уме: пятьдесят тысяч долларов за неполучившуюся кражу придётся вернуть, но на секретном счёте, о котором не знают налоговые органы, уже лежат восемьдесят тысяч! Если счастье состоит из кусочков, то у Траулько теперь есть восемьдесят тысяч кусочков счастья. Не кисло, но пресловутая женская интуиция предупреждала.

Следующие бесконечные полчаса майор провела, тщательно выщипывая брови. Всё было тихо и приятно. Никто не звонил. Наконец, положив щипчики в косметичку, Траулько посмотрела на часы. Пора отправляться на встречу у метро. Встречу, которая не должна состояться. Она встала с места, достала из сейфа пачку долларов, завёрнутую в целлофан, положила в сумочку. Критически осмотрела себя в зеркало. Грудь, талия, попа. Всё на месте. Поправила форменную рубашку. Не восемнадцатилетняя фотомоделё, конечно, но ещё ничего. «С пивом потянет», – как часто говорит её чёпожрать, когда хочет не жрать.

– Я ненадолго, Не теряйте меня, – мило улыбнулась Траулько капитану Тонкошкурову, который о чём-то говорил по телефону за стеклом в дежурной части. Тонкошкуров, не отрывая от уха трубку, поманил другой рукой Траулько внутрь. Майор нехотя зашла.

– Ну, что ещё?

– У нас происшествие, Ольга Владимировна, – взволновано зачастил капитан. – Пятнадцать минут назад сторож какого-то особняка сообщил, что слышал выстрелы в доме. Сам-то он сидит в сторожке у ворот. Один идти в дом побоялся – позвонил нам. Мы послали туда наряд в составе сержантов Удочкина и Мартышкина. Они, конечно, разгильдяи известные, но к месту происшествия были ближе всего. Сейчас звонит Удочкин и докладывает, что в особняке обнаружены два трупа. Мужчины. Похожи на криминал. Оба застрелены. Мартышкин охраняет здание снаружи, сторож остался у ворот, а самый опытный Удочкин в доме. Ничего не трогает.

Траулько изо всех сил зажмурилась. Она вдруг почувствовала себя старой, страшной, изнурённой, как колхозная кляча, пенсионеркой. (Интуиция ехидно заметила: «А я ведь предупредила!») Через пару мгновений Траулько пришла в себя, разожмурилась и голосом, как с того света, спросила:

– Вы выяснили, чей это особняк?

– Хозяин, некто Фрутков, по словам сторожа, сейчас в кино. Вместе с супругой. Детей у них нет. Кто погибшие, сторож не знает.

– Как утомительны в России вечера! – устало пробормотала Траулько, направляясь к выходу. – Значит, придётся ехать туда самой.

Она вышла на улицу, где стояли покрытые пылью полицейские лимузины разной степени убитости. Села в помятый уазик. И отправилась своей дорогой.

5. Богатые тоже плачут

Уже стояла ночь. Весь мир оцепенел во сне. Даже дождь ушёл спать. Работали только в Китае – делали новых китайцев. У красивых чугунных ворот служителей закона встретил сторож – лысый дедка в линялой офицерской рубашке. Отставной козы барабанщик. Дедка проворно открыл лязгающие ворота, и узик подкатил к парадному подъезду. Сержант Мартышкин, неподвижный, как крест на могиле, охранял входную дверь. Помогал Удочкину ничего не трогать.

Траулько зашла в особняк, увидела свет, услышала звон посуды и прошла на кухню. В громадной белоснежной кухне, украшенной декоративными тарелками с южными пейзажами, сержант Удочкин наслаждался жизнью. Он курил сигарету Мартышкина и пил кофе из хозяйских запасов. Увидев Траулько, Удочкин вздрогнул, кофе расплескалось по мраморной столешнице.

– Что тут у вас случилось, Удочкин? – спросила Траулько, с подозрением принохиваясь к запаху в кухне.

– А то случилось, что наверху лежат два жмура, – ответил сержант, стряхивая табачный пепел в изящное блюдечко. – Кофе будете, товарищ майор?

– Кофе я не хочу. От него цвет лица портится, – отказалась Траулько. – Пойдём, глянем на жмуров.

Удочкин со снисходительным сожалением посмотрел на майора, но ничего не сказал. Он повёл Траулько на второй этаж. Там царил мрак. Удочкин достал служебный пистолет и стволом нажал на широкую клавишу выключателя. Под потолком вспыхнула яркая люстра, на секунду ослепив Траулько. Когда её глаза привыкли к свету, она увидела неприятную картину. В комнате, немного меньшей, чем зал заседаний Государственной Думы царил хаос. Стулья были перевернуты, пол усеян бумагами, мусором, какими-то мелкими предметами. На широком кожаном диване лежал человек. Траулько со страхом узнала в нём Манчестера. На полу возле открытого окна застыло второе тело. Друг и поделник Манчестера Дуремар. Оба жулика залиты кровью. Кровь была везде: на мебели, полу, бумагах. Лужи, пятна, капли... Воняло чем-то гадким.

– Кто же их так? – задала глупый вопрос Траулько.

– Не знаю, – честно ответил Удочкин, смиренно стоя у выключателя. – Кто-то удачно заземлил мужиков. Мы тут ничего не трогали, товарищ майор.

Траулько сделала несколько осторожных шагов к дивану, но увидела настежь открытый сейф, вделанный в стену.

– А там что?

– Полный ящик драгоценностей. Всё разложено по коробочкам, надписано, пронумеровано. Видимо, коллекция, – сдавленно произнёс Удочкин, бледнея кожей лица. Траулько это заметила.

– Тебе не хорошо? – заботливо спросила она сержанта. Тот молча кивнул, глядя на трупы. Траулько обрадовано подумала: «Это хорошо, что не хорошо».

– Ну, так иди вниз. Подожди меня в кухне.

Удочкин ещё успел благодарно посмотреть на майора, поворачиваясь к выходу из кабинета.

– Только тот кофе больше не пей. Он стоит больше тысячи долларов за кило.

Сержант судорожно сглотнул и выскочил в темноту коридора.

– Его из слоновьего говна делают! – радостно крикнула Траулько вдогонку. Слышно было, как вниз по лестнице, всё ускоряясь, гремят шаги Удочкина.

Оставшись в кабинете одна, если не считать апатичных покойников, Траулько подошла к сейфу и быстро просмотрела его содержимое. Действительно, на бархатных коробочках были указаны наименования драгоценных камней: «алмаз Зелёная звезда», «рубин Львиное око», «сапфир Любимец султана», ещё несколько, но «Сверкающего Могатишо» среди них не было. Тогда Траулько, преодолевая естественное отвращение и стараясь не испачкаться, обшарила карманы трупов, заглянула в рты. В общем, всё было не так уж плохо, как казалось сначала. Всё было гораздо хуже. Бриллиант стоимостью десять миллионов долларов бесследно исчез.

Траулько в растерянности оглядела кавардак. Манчестер сказал по телефону, что камешек у них. Кто же его взял? Манчестер или Дуремар? Дуремар или Манчестер? Вот в чём вопрос!

На тёмной лестнице послышались громкие, бесцеремонные голоса. Это на место происшествия прибыла оперативная группа, представитель прокуратуры, эксперты, труповозы. Все, кому положено прибывать в таких случаях. Времени заниматься здесь личными делами у Траулько не осталось. Хуже всего было то, что одновременно со специалистами по смерти прибыл и хозяин особняка со своей супругой.

– Ух, ты! – сказал знакомый Траулько следователь, первым войдя в кабинет. – Привет, майор!

Следователь был прав – место трагедии и вправду выглядело на стопроцентное «ух, ты!». Кабинет наполнился деловитыми мужчинами в форме и процесс пошёл. Последним появился Фрутков. Он, молча, смотрел несколько минут на беспорядок, кровь, царящее в помещении движение, в котором не участвовали только Траулько, столбом стоящая посреди комнаты, и два страшных тела, потом спросил майора:

– А где жираф?

– Какой жираф? Я не видела никакого жирафа, – ответила Траулько, чувствуя, что начинает сходиться с ума.

– Жираф – это не жираф, – загадочно произнёс Фрутков. – Мы можем поговорить наедине?

Они покинули кабинет и прошли в соседнюю комнату. Её просторы заполняли книжные шкафы из красного дерева, а стены украшали светлые картины художников Возрождения и мрачные гравюры Дюрера. Библиотека? Фрутков закрыл дверь. Траулько без сил опустилась на стул, отделанный обюссонским гобеленом.

– Мы так не договаривались, – тихо проговорила Траулько.

– Я сам не пойму, почему у меня в кабинете устроили свалку мусора и накидали мертвечины, – недоумённо сказал Фрутков, доставая бутылку «Хеннесси», спрятанную в шкафу за книгами. Он разлил коньяк по фужерам и, не спрашивая согласия Траулько, подал один ей. Траулько взяла фужер, хотя больше всего в этот момент ей хотелось подкрасить губы. Она же была, прежде всего, женщиной.

– Первоначальный замысел был гораздо безобидней, но, видимо, произошла какая-то накладка, – принялся рассуждать вслух Фрутков, не забывая время от времени мочить рот в коньяке. – Я заметил, что сейф с драгоценными камнями открыт. Вы проверили, мой дорогой майор, всё ли на месте?

Траулько почувствовала, что сейчас ей необходим большой глоток коньяка. А ещё лучше цианистого калия. Она залпом опорожнила фужер и, обретя, таким образом, нужную отвагу, призналась:

– «Сверкающего Могатишо» нигде нет.

Фрутков замер. Его рука с фужером остановилась на полпути ко рту. Всё ещё спокойно он спросил:

– Вы уверены?

Траулько только кивнула, глядя с сожалением на свой пустой фужер. И тогда развёлся ад ада! Он разверзлся целых десять минут. Всё это время перепуганная Траулько слушала бессвязные вопли огорчённого коллекционера: «раздолбай.., безграмотные топоры.., простые, как докембрийская говнообразная форма жизни.., будут всю жизнь питаться кошачьим кормом и солнечным светом.., хорошо ещё, что не додумались до взрыва газа, чтобы скрыть следы.., мои десять миллионов, о! десять миллионов...» и так далее, и тому подобное. Смесь кобелякской матерщины и петербургской ненормативной лексики. В общем, всё, что обычно кричит ограбленный буржуй.

Наконец, Фрутков перестал орать и кататься по персидскому ковру. Он встал с пола, налил себе полный фужер коньяка, накатил. Тяжело дыша, уставился на Траулько. Та спросила потусторонним голосом:

– А что за жираф?

– Так зовут мою овчарку. Я её нигде не вижу. Что с ней сделали?

– По моим сведениям, она спит у себя в конуре, — попыталась успокоить Фруткова Траулько.

Дверь внезапно приоткрылась, и следователь просунул голову в щель.

– Вот ты где, майор. Квашишь с потерпевшим? Оборотень в погонах.

Фрутков снова наполнил свой фужер и протянул следователю. Тот вошёл в комнату целиком, взял коньяк, и со словами: «Ну, будем, славяне!» лихо опрокинул.

– Как там у вас дела? — поинтересовался Фрутков.

– Сейчас работают эксперты, — ответил следователь. — Думаю, через час-два можно будет выносить покойников на свежий воздух. Отправим их в морг. А вас, потерпевший, я прошу пройти со мной. Дадите показания для протокола и проверите, все ли ценности на месте.

Он обернулся к Траулько.

– А ты, майор, что собираешься делать?

– Собираюсь вернуться к себе в управление и обмякнуть под грузом ответственности, — рассеяно ответила Траулько. В её мозгу билась, как муха об оконное стекло, мысль: «Так что же здесь случилось?»

6. Так что же здесь случилось (ретроспектива)

Тремя часами ранее Манчестер с Дуремаром были ещё живы, зорко наблюдали из кустов сирени за домиком сторожа у ворот особняка Фруктова и слушали лай здорового пса, бегающего взад-вперёд за оградой.

Страна затухала. Вечер вступал в свои права. Но, как известно, права неотделимы от обязанностей. Обязанностями июльского вечера были прохлада и сумерки, поэтому воздух постепенно становился холоднее, а паутина улиц огромного города темнее. С Финского залива, как обычно, мерзко сквозило. Звёзды сверху равнодушно смотрели на земных обитателей, устраивающихся на ночлег. Однако не все собирались замереть в постели. Из красивых чугунных ворот выкатился огромный шикарный «бентли» и почти бесшумно исчез в темноте. Хозяева особняка отправились развлекаться. Жулики решили, что скоро можно будет приступить к работе.

– Подождём ещё десять минут. Пусть отъедут подальше, – тихо сказал Манчестер Дуремару. Тот согласно кивнул. На лице Дуремара навсегда застыло выражение лёгкой растерянности, как у близорукого, потерявшего свои очки.

– Откуда ты узнал про этот брюлик? – спросил Дуремар от скуки и потому, что нельзя было курить.

– Работаем по клёвой наводке, кореш, – со значением ответил Манчестер, не сводя глаз с ворот. – Одна мазиха поведала.

– А это не палево?

Манчестер повернулся к другу.

– Слушай, Дуремар, одна голова хорошо, а две некрасиво. Давай, не думай слишком много. Делай, что я тебе говорю и завтра мыс тобой будем, несмотря на олимпийскую стройку, валяться на горячем песочке в Сочи. С вином, кино и домином! Прикинь, выхлоп с этого дела – пять тысяч зелёных на рыло. Тебе мало? Тогда иди – выставляй хаты пенсионерок. Может, больше наскребёшь.

Дуремар пожал плечами.

– Но я же не против. Только как-то странно всё.

– Да не переживай ты так! Всё будет пучком. Полчаса озноба и мы в шоколаде.

Кореш кивнул.

– Ладно, проверим твой фарт, Манчестер.

– Тогда, займись собачкой, а я пока на стрёме постою.

Дуремар вынул из кармана вкусно пахнущий пакет с жареным мясом и пошёл к ограде. Отойдя подальше от домика сторожа, он тихо свистнул. Чуткий пёс мгновенно примчался, взлаивая от возбуждения. Недолго думая, Дуремар сунул ему пакет сквозь прутья ограды. Пёс начал жадно жрать.

Тем временем Манчестер наблюдал в маленький театральный бинокль, как пожилой сторож пьёт чай, сидя за столом в своём домике. Большое окно без занавески совершенно не скрывало его мирной деятельности. Вскоре сторож опустил голову на руки и задремал. Собака, шатаясь, уползла в конуру. Манчестер понял: пора наносить ущерб. Он выбрался из кустов и в сопровождении верного Дуремара двинулся вдоль ограды. Выбрав подходящее место, оба жулика перелезли в сад, окружающий особняк. Неслышно ступая, они подошли к двери. Манчестер достал отмычку, смазанную свечным стеарином, чтобы не поцарапать замок, капнул масла в замочную скважину и немного поколдовал. Дуремар подсвечивал ему фонариком. Вокруг стояла тишина. Только где-то далеко-далеко отсюда нестройно пели пьяные да из конуры доносился храп собаки.

Стараясь не скрипеть, Манчестер отворил дверь.

– Вуаля! – гордо сказал он почему-то по-французски. Манчестер не знал французского, как, впрочем, и всех других языков, кроме родного русского и нескольких циничных татарских ругательств. Он был родом из Бугульмы.

Жулики осторожно поднялись на второй этаж. Вошли в кабинет и остановились перед бронированной дверцей, встроенного в стену сейфа. Дуремар осветил фонариком объект приложения усилий. Сейф выглядел грозно.

– Попытаешься? – спросил друга Манчестер. Дуремар передал ему фонарик и принялся за дело. В общем-то, он не был таким уж жопоруким и в своих кругах пользовался определённым авторитетом, несмотря на дурацкое погоняло и вечно растерянное выражение лица. Дуремар мог бы даже стать одним из лидеров преступного мира, но он курил. А, как известно, настоящий вождь не должен курить, должен быть харизматичным вегетарианцем и любить морковные котлеты.

В напряжённом труде и превозмогании прошло около получаса. Наконец, сейф щёлкнул, капитулируя, и позволил себя открыть. Сигнализация промолчала.

– Храните деньги в сливных бачках! – негромко объявил Дуремар.

– Ну, ты и крутой перец! – восхитился другом Манчестер, перебирая бархатные коробки. – А вот то, что нам нужно. Какая прелесть!

Он достал из сейфа коробочку с надписью «Сверкающий Могадишо» на крышке и открыл.

– Дай мне посмотреть, – протянул руку к бриллианту Дуремар.

Манчестер отдал ему коробочку.

– Смотри, а я пока своей мазихе позвоню, скажу, что дело сделано.

Пока Манчестер разговаривал по телефону, Дуремар любовался «Сверкающим Могадишо». Он направлял свет фонарика на камень с разных сторон, и бриллиант превращался в маленькую звёздочку, переливающуюся огнём, загадочную, даже пугающую, но неотразимо желанную.

– Этот брюлик стоит, наверно, целый миллион, – восторженно произнёс Дуремар, когда Манчестер, наговорившись, выключил мобильник.

Манчестер перебил друга:

– Какой миллион, кореш? Откуда такие нереальные цифры? При чём тут астрономия? Давай, делаем цап-царап и валим отсюда.

Дуремар пробормотал по инерции, уже к чему-то прислушиваясь:

– Ты прав, пора домой, пока ветер без сучков.

Мгновение спустя, Манчестер тоже услышал неясный шорох, привлёкший внимание Дуремара. Кто-то почти неслышно поднимался по лестнице. Это было плохо для их бизнеса. Не сговариваясь, жулики бросились к единственному месту в комнате, которое могло защитить их от нескромного взгляда – за большой шкаф, набитый папками и деловыми бумагами. Там они замерли в темноте, плотно прижавшись друг к другу.

Манчестер почувствовал, как Дуремар вложил ему в руку коробочку с бриллиантом. Однако Манчестер был опытным каторжанином, поэтому вернул добычу Дуремару, прошептав ему едва слышно: «На, спрячь». Но тот снова сунул коробочку Манчестеру. И тут же получил её обратно. Так бы они и дальше передавали друг другу проклятый бриллиант, ставший неопровержимой уликой их преступления, если бы в комнате не загорелся свет.

В дверях стояли двое – мелкие чипиздрики нездешнего облика. Один мужского пола, другой женского. Одинаково бесстрастные узкоглазые лица, кожа цвета мясной подливки, вихрастые иссиня-чёрные волосы. Чипиздрики были одеты в дешёвые спортивные костюмы. Пришельцев можно было различить по росту и по тому, что «она» держала оружие современного пролетариата – бейсбольную биту, а «он» сжимал в руках пистолет размером с утюг. Правда, оставалась ещё надежда, что это муляж. Чипиздрики не были похожи

на представителей закона, скорее на ребят с чистой головой, холодными руками и горячим паяльником. Личная охрана буржуина?

Манчестер заметил, что Дуремар уронил на пол проклятую коробочку и запнул её под шкаф. Ему стало очень страшно. Вот такая ситуация у них с Дуремаром и называлась «попадос».

Чипиздрики моментально просканировали комнату своими прищуренными глазками. Разумеется, они тут же догадались, где прячутся жулики. «Он» подошел ближе к шкафу и направил на них пистолет. «Она» протянула руку к Дуремару. Мол, «давай сюда». В ответ Дуремар необдуманно показал ей средний палец. Не нужно было быть сурдопереводчиком, чтобы понять настолько прозрачный ответ. «Она» поняла и в доказательство огрела Дуремара битой. Удар пришёлся в левое плечо. Дуремар взвыл от боли. Его рука повисла, как дохлая змея.

Манчестер понял, что разговора с этой нерусью не получается. Пора было уходить. По-английски, не прощаясь. Однако, мешало одно громадное «но». У жуликов не было пресловутого плана «Б» на случай неудачи. Про чипиздриков их никто не предупредил. Приходилось импровизировать на ходу. Манчестер собрался срочно что-нибудь придумать, но не успел. Здоровой рукой Дуремар вытащил из кармана маленький блестящий пистолет-зажигалку и направил его на чипиздрика мужского пола. Конечно, это была ошибка, но трудно сохранить равновесие духа, когда ты до смерти напуган.

Впрочем, зажигалка сыграла свою пламенную роль. Чипиздрик-«он» гортанно вскрикнул и нырнул под письменный стол. Чипиздрик-«она» среагировала одновременно с сородичем. «Она» отчаянно отпрыгнула назад, но биты не бросила.

– Атас, Манчестер! – крикнул Дуремар другу. Он подбежал к окну, распахнул его, но тут «он» начал стрелять из-под стола. У чипиздрика в руках оказался не муляж оружия, а самый настоящий пистолет. Первая пуля попала Дуремару в спину. Кусочек свинца перебил ему позвоночный столб. Ноги перестали слушаться старого жулика, подломились, и он тяжело упал возле окна, выронив свою дурацкую зажигалку. Вторая пуля угодила Дуремару в левый бок. Она вошла в сердце и мгновенно убила его.

Все эти события произошли так быстро, что Манчестер успел сделать всего лишь один шаг к двери, а Дуремар уже лежал мёртвым. Густая тёмно-красная кровь жирным потоком вытекала из него на пол. Манчестер замер на месте, не в силах пошевелиться. «Он» наставил на него дуло своего кошмарного пистолета, такое же тёмное и равнодушное, как лицо убийцы. Чипиздрик-«она» подошла ближе к Манчестеру; всё так же протянула руку: «давай сюда». Манчестер понял, что сейчас умрёт. Теперь он знал, как выглядит его смерть. Всей душой, всеми силами ещё живого тела Манчестер воспротивился своей участи. Он повернулся к убийце и в ярости закричал, что было сил, глупые, случайные слова, первыми пришедшие на ум:

– Грёбанные гастарбайтеры! Слава России!

Манчестер почувствовал, как грудь его прожигает раскалённое сверло. Один раз, второй... От нестерпимой боли всё вокруг расплылось и потемнело. Вдруг он обнаружил, что лежит на диване. Кореш Дуремар смотрит на него с пола стеклянными глазами. В меркнувшем мозгу Манчестера ещё успела появиться дурацкая фраза, невесть как застрявшая в его памяти: «Русские своих не бросают!» Он непроизвольно вздрогнул несколько раз и умер. Его неполучившаяся жизнь закончилась.

Чипиздрики принялись искать...

7. На следующее утро

Несмотря на вечернюю трагедию, равнодушный вторник всё равно наступил ровно в полночь. Утро тоже не подвело – прохладное питерское солнце осветило небосвод в урочное время. В общем, жизнь шла своим чередом. Два мёртвых терпигорца зябли на холодных железных столах в морге и ждали своих вивисекторов. Майор Траулько сидела в управлении полиции за столом с печеньем, конфетами и чаем и красила слипающиеся от недосыпа глаза.

Точно в шесть часов мобильник Траулько задёргался в припадке трудолюбия. Совсем не вовремя. Видимо руководство тоже провело бессонную ночь и ему не терпелось. Траулько сдержанно доложила, что её подручные облажались.

– Ну, найди новых, – равнодушно предложило руководство.

– Проблема в том, что никто не знает, где теперь бриллиант, – нервно сказала Траулько, обрезаая маникюрными ножничками заусенцы на пальцах.

– Может быть, камень забрали убийцы? —предположило руководство.

– Скорее всего, так. Наши ребята нашли под шкафом пустую коробочку из-под «Сверкающего Могатишо». Мне Манчестер успел сказать, что камешек у него.

– А что он ещё тебе сказал? – поинтересовалось руководство.

– Да, в общем-то, больше ничего. Нет, вспомнила! Манчестер сказал: «Главное, по дороге со страху не обоссаться». Что-то типа того.

– Это ключевая фраза! Тонкий намёк! – оживилось руководство. – Теперь всё ясно. Что же ты сразу-то не сказала?

– И что в ней ключ? Какое слово?

– Сама подумай, майор! Почему он боялся, извини за мой бурятский, обоссаться?

– Манчестер мог бояться от страха. Он вообще был не герой. Или съел что-нибудь не то? – неуверенно предположила Траулько.

– Именно! Съел! Он спрятал «Сверкающий Могатишо» в желудке! Проглотил, как нигерийский наркокурьер. Знаем мы такие трюки!

– И что мне теперь делать? – растерялась Траулько. – Когда начнут проводить вскрытие, то бриллиант обязательно найдут.

Руководство на минуту задумалось.

– В общем, так. Если хочешь получить повышение, остальные сорок тысяч и мою крепкую мужскую дружбу, отправь тело с бриллиантом мне в Москву. Я думаю, это будет самым надёжным вариантом. Незачем заранее доставать из уголовного брюха мой «Сверкающий Могатишо». Пусть труп послужит сейфом, ха-ха! Короче, майор, жду бриллиант не позднее понедельника.

– Будет сделано, – пообещала Траулько. Она уже собиралась закончить разговор, но руководство вдруг спросило с подозрением:

– Надеюсь, Фруктов, этот жадный урод, зачатый пьяным свекловодом, ни о чём не догадывается?

– Я думаю, нет, – покривила душой Траулько.

– Ну, хорошо. Тогда действуй, майор!

Отдав цэу, руководство занялось своими руководящими заботами, а Траулько своими мелкими.

На утренней оперативке подполковник Пучегоров, грозно окаменев лицом, попросил Траулько поработать до вечера – коллега, который должен был её заменить на дежурстве, приболел. Или ушёл в очередной запой, что тоже было вполне вероятно. Как известно, просьба начальника – это вежливый приказ, поэтому Траулько, с показным энтузиазмом, согласилась, ехидно гаркнув про себя: «Яволь, мой фюрер!»

– Я понимаю, Ольга Владимировна, что вы устали, что у вас семья, что вы женщина, но настоящих женщин в полиции нет. Есть сотрудники. Добросовестные и... остальные. Полиция – это ежедневный тяжёлый труд! Не стоит забывать, товарищи офицеры, что именно труд из обезьяны сделал человека, хотя из коня – транспорт. Но тут уж кому как повезло, – веско произнёс Пучегоров, глубокомысленно оглядывая своих подчиненных. На лице подполковника глубокомыслие было написано постоянно, но только на лице. Внутри оно не проникало. Заместитель Пучегорова, похожий на отвлечённую идею, прилежно пошелестел служебными документами. Остальные не реагировали никак.

Если честно, Траулько и сама не собиралась домой. Она только разрешила себе поспать часик на узком диванчике в кабинете, а потом снова окунулась в рискованные будни борцов с преступностью. Разумеется, первым делом она достала свою косметичку и начала приводить себя в порядок, тихонько напевая: «Наша служба и опасна, и трудна...» Всего через час Траулько выглядела вполне прилично. Она улыбнулась себе в зеркальце своей самой очаровательной улыбкой. «Красавица – это образ жизни!» Теперь можно было заняться поручением руководства. Траулько ни в коем случае не могла упустить обещанные деньги. Она не хотела, чтобы все дети ели сладкую вату, а её – обычную. Траулько достала из сумочки незаработанную пачку долларов, положила перед собой и, глядя на купюры, горячо попросила Господа, если он есть, встать на её сторону баррикады.

И Господь не подвёл. Едва Траулько успела спрятать деньги в сейф, как кагтавый сержант Соскин с гитлеровскими усиками, привёл молодого человека – невысокого, приятной полноты. Широкое розовощёкое лицо парня исторгало гуманизм. В руках он держал потрёпанные картонки со странными лозунгами: «Я вас люблю!», «Добро пожаловать в наш город!», «Мы вам рады!», «Да здравствует лето!» и прочей ахинеей. Траулько узнала парня. Его уже задерживали пару раз возле вокзалов по жалобам цыган и бомжей, которым он там мешал побираться. Она даже вспомнила прозвище, под которым парень был известен среди привокзального бомонда: «Доброе Утро».

– Ты опять к нам? – гостеприимно встретила задержанного Траулько.

Парень добродушно пожал пухлыми плечами.

– Ага.

Траулько повнимательнее присмотрелась к этому чудаку. Ей пришла в голову закономерная мысль.

– Слушай, Махатма Ганди. У меня к тебе есть предложение, от которого нельзя отказаться. Я вижу, что ты человек широкомыслящий и небогатый.

Это смелое допущение Доброе Утро опровергать не стал. Траулько продолжила, кокетливо улыбаясь:

– Ты можешь оказать мне большую услугу, а я окажу услугу тебе.

– А вы мне какую? – задал вопрос Доброе Утро.

– Я тебя сейчас отпущу без составления протокола, дам возможность заработать большие деньги и оплачу все расходы. Замечательно, не правда ли?

– Сколько денег?

– Тысячу долларов!

Доброе Утро с удивлением посмотрел на щедрого майора.

– А если я не соглашусь?

Траулько сразу потеряла кокетливость.

– Не советую, молодой человек. Я могу тебя задержать за неоднократные нарушения общественного порядка. Закрою в «аквариум» с гопниками и будешь там исполнять танец одинокого листа. Необходимо с тобой разобраться: кто ты, что ты, не экстремист ли ты? Время теперь суровое – предолимпийское! Лучше сделай всё правильно и получишь тысячу долларов.

Доброе Утро вспомнил злого деда Брюсли, свой долг за квартиру, вечно голодного Очкарика. Да и вообще он был отзывчивым челом.

– А что вам от меня нужно?

Траулько объяснила в двух словах. Доброе Утро ошеломлённо посмотрел на красивого майора.

– Как же я его отвезу в Нерезиновку?! Скакну на велосипед?

Траулько опять стала доброжелательной. Как пиранья во время отлива.

– Ну, придумай что-нибудь. У тебя есть друзья с машинами? Попроси их помочь. Или используй телепортацию.

– Друзьям тоже нужно будет заплатить, – здраво заметил Доброе Утро. – Может, сойдёмся на двух тысячах?

Траулько в негодовании откинулась на спинку стула.

– Ты что? Совсем офонарел? Откуда у меня такие деньги? Я же не в ГИБДД служу. Тысяча и ещё пятьсот на бензин.

– А этого хватит до Москвы и обратно? Я не автомобилист, – продолжал сопротивление Доброе Утро.

– Трактор заправить не хватит, а легковушку – вполне. Что ты ломаешься? Хочешь в «аквариум»?

Доброе Утро в «аквариум» не хотел, поэтому через минуту уже писал расписку в получении пятисот долларов и краем уха слушал подробные инструкции Траулько.

Отправив озадаченного Доброе Утро домой, Траулько придирчиво оглядела себя в зеркальце. Потом, нахмурившись, решила внести в макияж новую ноту, но тут не вовремя зазвонил телефон.

– Ну, как наши дела? – грустно спросил Фруктов. – Вы нашли мой «Сверкающий Могадишо»?

– Пока нашли только коробочку из-под него. Но у нас появился шанс вернуть бриллиант. Есть предположение, что он в желудке одного из покойников.

Фруктов оживился.

– У которого?

– Я думаю, у того, что с козлиной бородкой и лысиной. У Манчестера.

Фруктов обрадовано ойкнул.

– Замечательно! Спасибо, дорогой майор. Мои люди сегодня же займутся покойным.

Траулько язвительно спросила, доставая из косметички дневной крем для лица:

– Это будут те же самые ухари, которые вчера устроили бойню в вашем доме?

Фруктов обиженно засопел в мобильник:

– Я послал пару надёжных ребят с волейной, чтобы они просто остудили пыл ваших засланцев. К несчастью, ребята немного опоздали, и жулики успели открыть сейф. Началась катавасия, засланцы повели себя некорректно, пришлось их уговорить. Сторож-болван услышал пальбу и вызвал полицию, хотя я его сто раз предупреждал: «Если стреляют, сначала выясни, кто в кого и за что». Иначе можно попутать. Пришлось его выгнать.

Траулько проговорила, втирая крем в щёки:

– Я не хочу знать деталей. Эти дела меня не касаются. Только смотрите, чтобы ваши надёжные ребята и в морг не опоздали. Завтра покойника там уже не будет.

Траулько, как в воду смотрела, но ни она, ни Фруктов об этом ещё не догадывались.

8. В полдень

– Мегапривет, гомик! Уже полдень! Хочеццо фкуснопожрадь!

Очкарик нехотя оторвался от бесплатного руководства «Десять шагов к банкротству» и глянул на друга поверх очков.

– Привет, гомик! Сходи на кухню и приготовь что-нибудь. Через пару минут я тоже подойду.

Доброе Утро был покладистым челом, поэтому в состоянии дежавю отправился на кухню. В кухне сидел дед Брюсли и тренировал левую руку с помощью резинового эспандера. Ещё он пил спорыш, что-то сердито бормоча себе под нос. Доброе Утро помотал головой. Состояние дежавю не проходило. Чтобы изменить тенденцию, он задал риторический вопрос:

– Мегапривет, дед! Как прошло дежурство?

Дед Брюсли печально вздохнул.

– Двойко. Гармония мира была нарушена.

– Это как?

– Господин Фрутков, хозяин особняка, который я охранял, уволил меня сегодня утром.

Доброе Утро удивился, доставая из холодильника кастрюлю со вчерашними щами:

– Почему?

Дед Брюсли переложил эспандер в правую руку.

– Сам толком не знаю. Вчера вечером, пока я дежурил у ворот, в особняк залезли урки. Хозяев не было дома. Они, как раз, отправились в кино. Я услышал в доме стрельбу, крики и вызвал полицию. Сначала приехали какие-то балбесы. Потом ещё и ещё. Полиция, прокуратура, скорая помощь, пожарные. Господин Фрутков с супругой примчался из кино. В особняке оказался открытый сейф, два трупа и вроде пропало что-то невероятно ценное. Естественно, конец истории был немного предсказуем: хозяин меня уволил. Напоследок даже не предложил: «Забегай!»

Тут дед Брюсли, наконец, заметил, что Доброе Утро ставит кастрюлю на плиту.

– Не трогай чужие щи! Это же Морковка для себя варила!

Доброе Утро отмахнулся.

– Не беспокойтесь, мы одна семья.

Дед Брюсли пожал плечами и вернулся к прежней теме:

– Но я господину Фруткову высказал напоследок всё, что о нём думаю. Мол, ворюга вы. Так ему прямо в лицо и сказал. Кровосос! Ограбили меня, других пенсионеров. Миллионы ведь этот клещ у нас украл!

– А он?

– Он заржал, как жеребец, и спросил, откуда у пенсионеров такие деньги. Твою в колено! Сталина на него нет!

Чтобы успокоиться, побагровевший дед Брюсли сделал большой глоток спорыша. Скривился. Глядя на него с состраданием, Доброе Утро непроизвольно скривился тоже. В кухню протиснулся Очкарик. Он устроил своё длинное тело на табурете у стены, открыл книжку с многообещающим названием «Как сделать водку из чайного листа» и принялся за чтение. Челюсти Очкарика равнодушно жевали мятную жвачку. На запах щей из своей комнаты выглянула Морковка. Она покрутила носом, потом крикнула в кухню:

– А ну признавайтесь, соседи! Кто взял мой обед?

Разливая по тарелкам горячие щи, Доброе Утро весело сказал:

– Обещаю в качестве компенсации завтра испечь пирог с рыбой.

Морковка улыбнулась ему из коридора.

– Лю тя!

Она любила рыбный пирог. Размечтавшись, Морковка опрометчиво достала сигарету из мятой пачки. Дед Брюсли недовольно посмотрел на девушку.

– Алёна, мы договаривались, что ты будешь курить только в своей комнате. Подумай о здоровье. Не замутняй своё ци!

Морковка беспечно махнула рукой с сигаретой.

– Мне можна. Я девачко.

Всё же она спрятала сигарету обратно в пачку. Очкарик вынул изо рта серый комочек жвачки, положил его на стол и начал шумно хлебать щи, не отрываясь от книжки. Доброе Утро тоже энергично заработал ложкой. Дед Брюсли налил себе жасминового чая и нудно забурчал:

– Хотите жить против часовой стрелки – живите. Мне на вашу ориентацию параллельно, трахайтесь хоть с ежами, но за квартиру нужно платить! Не забывайте вовремя отдавать кесарю кесарево, а слесарю слесарево.

Морковка сделала вид, что внезапно оглохла. Очкарик ничего не сказал, потому что читал и не хотел отвлекаться. Рот Доброго Утра был занят капустой. А дед Брюсли продолжал прессовать:

– Вот выгоню вас всех на улицу и что вы будете делать? Клеить объявления на заборах: «Молодая семья, три человека, без детей, снимет квартиру»?

Доброе Утро прессинга не выдержал.

– Через неделю мы заплатим.

Дед Брюсли ехидно сказал:

– Конечно, заплатите, а ещё обезьяны летают. Совет непальских мудрецов: «Никогда не делай сегодня то, что можешь не делать никогда».

– Это как? – не понял Доброе Утро.

– Это означает, что я тебе не верю, Жека, – признался дед Брюсли.

– Честное слово, заплатим!

Очкарик с удивлением посмотрел на друга. Морковка, стоя в коридоре, тоже заинтересовалась. Доброе Утро широко улыбнулся и объявил главное:

– Но для этого мне необходимо съездить в Москву. Туда-сюда. Ну, вы понимаете.

Дед Брюсли кисло сказал:

– Туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно? Знаю я ваши извращенские прихваты!

– Это загадка про качели, дед, – возразил Доброе Утро. – Я серьёзно говорю. Мне нужно к следующему понедельнику отвезти в Нерезиновую одну штуку. За это пообещали хорошие деньги. Я даже аванс уже получил. Осталось только найти машину.

– Самосвал подойдёт? – насмешливо спросила Морковка из коридора.

– Нет, конечно. Что-нибудь стремительное и сексуальное, – мечтательно закатил глаза Доброе Утро.

Морковка захихикала:

– Ага, вон «говнолада» деда отвечает самому изысканному вкусу.

Дед Брюсли встрепнулся, как дряхлый кавалерийский «росинант», услышавший звук боевой трубы.

– А что? Да моя «ласточка» любому «мерсу» фору даст! Я недавно перебрал всю ходовую.

– Ваш «боливар» не выдержит даже двоих. Это не машина, а конструктор для самых тупых, – с презрением изрёк Очкарик из-за своей книжки.

Дед Брюсли задохнулся от возмущения. Пока он восстанавливал дыхание жасминовым чаем, Доброе Утро спросил Очкарика:

– Ты поедешь со мной? Мне понадобится помощь. Та штука довольно тяжёлая.

Очкарик отрицательно помотал головой.

– Нет, вряд ли. У меня послезавтра в «кульке» пересдача «хвостов».

Очкарик вообще-то был студентом второго курса культпросветучилища и домоседом.

Дед Брюсли, вернув посредством чая душевное равновесие, снова встрял в разговор:

– А за бензин заплатишь?

– Да, мне дали энную сумму на дорогу.

– А за провоз?

– Двести долларов водителю. И за квартиру отдам долг. Когда вернёмся обратно в Питер.

Дед Брюсли недоверчиво посмотрел в дружелюбное лицо Доброго Утра.

– Ох, что-то я сомневаюсь, Жека! Боюсь я тебя одного отпускать. Уедешь в столицу, и плакали мои денежки.

– У вас Очкарик останется в залоге.

– Да что мне взять с твоего Очкарика? Очки?

Очкарик не реагировал. Он увлечённо читал про водку из чайного листа.

Дед Брюсли печально произнёс:

– Меня с работы уволили, Морковке не платят, а тут ещё ты сбежишь. Как тогда жить? На одну военную пенсию? Я же не маршал.

– Да не сбегу я!

Дед Брюсли принял решение:

– Ты мне не оставил выбора, Жека. Совет непальских мудрецов: «Надейся на Будду, но всегда запирай свою квартиру». Придётся мне везти тебя с твоей штукой в Москву.

Очкарик поднял глаза от книжки.

– А что, у непальских мудрецов были квартиры?

Дед Брюсли пропустил его неуместный вопрос мимо ушей и задал свой:

– У кого в Москве мы остановимся?

Доброе Утро пожал плечами.

– Не знаю. У меня там никого нет.

Морковка, слушавшая их разговор, сказала:

– В Москве живёт моя дальняя родственница – тётя Галечка. Остановитесь у неё. Я могу ей позвонить и договориться.

– Это, наверно, дорого выйдет? – засомневался практичный дед Брюсли.

– Не думаю. У неё большая квартира, а живёт она одна. Пенсионерке любая копейка лишней не будет.

– Отлично, Алёна! – обрадовался Доброе Утро. – Сегодня же обязательно позвони своей родственнице.

Дед Брюсли вслух начал прикидывать:

– Значит так. От Питера до Москвы примерно семьсот километров. Около десяти часов езды. Если вечером выехать, то утром уже будем на Красной площади.

– Нам ещё нужно забрать ту штуку, – напомнил Доброе Утро.

– Тогда, Жека, заканчивай трапезничать; давай собираться. Пакуй баулы – дорога дальняя, – скомандовал дед Брюсли, поднимаясь с места. – Что за штука-то, если не секрет?

– Скоро сами увидите...

9. А в это время в особняке Фруtkова

– Вы у меня пенопласт будете жрать, ёпта!

Куала и Лумпур стояли навтыжку перед Фруtkовым и виновато смотрели на него, как коты, нагавившие ночью в хозяйские тапки.

Фруtkов проводил разбор полётов. Он, в свою очередь, смотрел на корейцев с презрением, как смотрело бы светило орнитологии на обыкновенных городских воробьёв у помойных баков. На лице Фруtkова не было обычной большой улыбки – один большой нос.

– Я ваш бог, ёпта! Условно говоря, это я вам придумал троллейбус, туалетную бумагу и пиво. Научил играть в футбол. Запретил есть людей. Показал деньги. В общем и целом, я ваше всё!

Куала и Лумпур не возражали. Они стояли, не шевелясь, со своим обычным замороженным видом. Чёрные, непроницаемые для солнечного света глаза Куалы и Лумпура не моргали. Брат с сестрой были похожи на больших опасных нэцкэ – японские фигурки из слоновой кости. Вообще-то, корейцев звали по-другому, но Фруtkов не мог запомнить трудные азиатские имена, поэтому называл их Куалой и Лумпуром. И тут совершенно не вовремя зазвонил сотовый телефон: «Дети капитана Гранта», Исаак Дунаевский «А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер...». Фруtkову пришлось отвлечься от разборок в Маленьких Кобеляках. Это коррупция верхних эшелонов власти подняла свою уродливую голову.

– Как дела с моим бриллиантом, тырщик? – спросил Человек с Вертикали из своего бюрократического далёка. Впрочем, спросил добродушно.

– Всё путём, Гений Эрастович, – заверил важного кремлёвского человека Фруtkов.

– Я ведь жду, – ненужно напомнил Человек с Вертикали. – Ты, вообще, чем там занимаешься, тырщик?

– Тружусь, как пчёл, Гений Эрастович. Организую безопасную доставку, – слукавил Фруtkов. – Сами понимаете, дело не простое. Такое сокровище с кем попало не пошлешь. Тут лоханешься и «Сверкающий Могатишо» может исчезнуть, как конфета в детском доме. Бесследно!

«Господи! Что я несу!» – мелькнула паническая мысль в голове Фруtkова, но шок и трепет перед всемогущим слугой народа не давали сосредоточиться и придумать нечто более серьёзное.

Человек с Вертикали с готовностью предложил:

– Так ты только скажи! Я завтра же пришлю зелёных человечков и конец кино.

Фруtkов со злостью покосился на неподвижных корейцев.

– Нет-нет, не беспокойте себя. У меня есть свои надёжные ребята. Они всё сделают. Всё будет в порядке. В понедельник «Сверкающий Могатишо» окажется у вас.

– Тогда поспеши, Моисей. У тебя осталось мало времени. Не стоит рассчитывать на вечность и ещё один час. А я тебе позже снова позвоню.

Фруtkов поспешно сказал:

Я понял, Гений Эрастович. Всё будет о'кей.

Человека с Вертикали давным-давно ждали неотложные государственные дела, поэтому он сделал последнее предупреждение:

– Короче, тырщик, если у меня в понедельник не будет бриллианта, придётся тебе в Лондон сваливать. Там как раз одно место освободилось.

Фруtkов поёжился. «В Лондон? О, ну! Только не это!» Он ненавидел платить налоги и левостороннее движение. Фруtkов повторил ещё раз:

– Всё будет о'кей. Я отвечаю.

Опутав Человека с Вертикали паутиной лжи и выключив телефон, Фрутков вернулся к своим баранам, то есть к Куале и Лумпуру.

– Даю вам ещё один шанс. Заберёте из морга трупак с бородой. У него в желудке «Сверкающий Могадишо». Я не хочу знать, как вы достанете бриллиант: у меня сегодня вечером ужин с прокурором, председателем суда и двумя ворами в законе. Потом возьмёте в гараже серый «ауди». Отвезёте камешек в Москву. Адрес я вам напишу крупными печатными буквами.

Опять не вовремя зазвучала бодрая песенка про весёлый ветер. Фрутков с опаской посмотрел на номер звонившего. «Номер не определён». Фрутков раздражённо спросил:

– Это кто?

– Кто-кто! Агния Барто!

Фрутков вздрогнул. Этого здесь ещё не хватало!

– Ты пока не передумал, дрыщ? – с угрозой в голосе спросил Пограничник. – Понедельник уже прошёл напрасно.

– Не давите на меня, товарищ генерал, – попросил Фрутков, потя.

– Кот в сапогах тебе товарищ! – ответил Пограничник, неожиданно обнаружив знакомство с детской литературой. – Лучше договорись со мной по-хорошему, дрыщ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.